

Виктор Тен

ЧЕЛОВЕК ИЗНАЧАЛЬНЫЙ

из пены морской

«Мне не хватало этой книги, я ее ждала – и дождалась».

Наталья Бехтерева

Парадоксальная антропология

Виктор Тен

**Человек изначальный.
Из пены морской**

«ЭКСМО»

2019

УДК 572.4
ББК 28.71

Тен В. В.

Человек изначальный. Из пены морской / В. В. Тен — «Эксмо»,
2019 — (Парадоксальная антропология)

ISBN 978-5-04-100228-2

Эта книга-вызов «обезьяньим» эволюционистам, которые превзошли поборников творения в нежелании видеть упрямые факты: чем старше ископаемые гоминиды, тем ближе они к современному человеку. Строение нашего тела и мозга заставляет искать его происхождение не в саванне и джунглях, а на границе суши и воды. Десятилетие назад эта гипотеза произвела переполох в академической науке, особенно после поддержки Виктора Тена ученым с мировым именем Натальи Бехтеревой. Ныне все больше специалистов готовы признать его правоту. Вместе с автором вы проследите поразительные метаморфозы первых приматов, застигнутых разливом и последующим обмелением океана. Порадуются «золотому веку» дельфинид – баловней прибрежных лагун, где они провели миллионы лет, чтобы выйти на сушу в почти сложившемся облике современного человека. И найдете множество доказательств того, что навязанные нам «предки» человека – всего лишь представители деградировавших ветвей. Удивительные черты морфологии человека о которых никто, никогда и неизвестно почему не задумывался, – в книге, переворачивающей представления об эволюции *homo sapiens*.

УДК 572.4
ББК 28.71

ISBN 978-5-04-100228-2

© Тең В. В., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Благодарности	7
Глава I. Дарвин и дарвинисты	9
Моцарт и Сальери эволюционной антропологии	9
Его Величество Павлин	14
Адам и Ева	16
Роль труда в театре абсурда	19
В люди – прыжком, или Зачем нужен секс	23
Люди – пришельцы?	27
Немного о вере	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктор Тен

Человек изначальный. Из пены морской

© В.В. Тен, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Благодарности

Вы держите в руках дополненное и переработанное издание книги «Из пены морской. Инверсионная теория антропогенеза». Вскоре после ее выхода летом 2006 года в моей квартире раздался самый неожиданный в жизни звонок. Звонила Наталья Петровна Бехтерева. Она только что прочитала мою книгу «Из пены морской. Инверсионная теория антропогенеза». Слова, которыми она характеризовала мое скромное исследование, повторить не могу, но ее последующее поведение может дать представление. Она хотела познакомиться как можно скорее, и мы, конечно, встретились, а потом встречались почти еженедельно в течение двух лет до ее прискорбной, неожиданной кончины. Неожданной, потому что до последних дней Наталья Петровна сохраняла острый ум и недюжинную память. В своей «белой» гостиной, оформленной морскими пейзажами, она читала мне «Фауста» на языке Гёте. Я мог позвонить ей в любое время – мало кто может оценить такое благо: возможность получить консультацию по любому вопросу нейрофизиологии у одного из лучших в мире специалистов! Узнав, что испытываю трудности с полными текстами иностранных статей, Наталья Петровна начала оказывать помощь, о которой я никогда не осмелился бы попросить академика: выбирала из журналов, получаемых Институтом мозга человека РАН, статьи, которые, по ее мнению, могли представлять интерес для меня, и присылала копии. Наконец, она написала отзыв о моей книге, который начинается словами: *«У меня возникло ощущение уже после первых десятков страниц, что мне не хватало этой книги, что я ее ждала – и дождалась»*. А в конце: *«Все долгие десятилетия научной жизни, вся моя интуиция, которая вела меня по ней, все – за эту глыбу, за представленную Теном теорию антропогенеза»*. Моя первая благодарность – ей, великому ученому, лишенному гордыни и предубеждений, с независимым, свободным умом, который ценили и уважали во всем мире.

Второй неожиданный звонок был от Г.Ф. Сунягина, профессора СПбГУ: «Где вы защищали докторскую, почему мы о вас до сих пор ничего не слышали?» Узнав, что я даже не кандидат, он удивился: «Это надо немедленно исправить!» Разумеется, я отказался лезть в толпу аспирантов в своем, скажем так, неаспирантском возрасте. Герман Филиппович позвонил еще дважды. Наконец, уговорил приехать в университет, где вручил мне прикрепление к соискательству для защиты на бюджетной основе. Такая опция существовала тогда только для сотрудников СПбГУ. Долгих лет жизни вам, дорогой мой Герман Филиппович! И разумеется, вашей прелестной супруге, историку Белле Григорьевне, и глубокая благодарность ей за отзыв о моей книге о Пушкине.

Благодарю за деятельную поддержку в диссертационном процессе проректора по научной работе СПбГУ профессора Н.Г. Скворцова, почетных профессоров СПбГУ В.П. Бранского, В.Г. Марахова, Б.В. Маркова, К.А. Рогову, профессоров М.Е. Кравцову, К.С. Пигрова, М.В. Попова, Ю.М. Романенко, П.Н. Хмылева. Отдельная благодарность ученым других вузов: членкору РАО А.П. Валицкой, профессору Е.К. Маранцман (РГПУ), профессору В.В. Костецкому (НГУ им. Лесгафта), профессорам И.Ф. Кефели, А.П. Мозелову (БГТУ им. Устинова), а также профессору Б.И. Иванову (Институт истории естествознания и техники РАН), доктору биологических наук В.В. Зюганову (Институт биологии развития РАН, Москва), доктору исторических наук А.И. Сапожникову (РНБ).

Еще одним неожиданным подарком судьбы стало знакомство с Александром Михайловичем Агаповым, доктором технических наук, директором Департамента радиационной безопасности «Росатома», который не только одарил своей дружбой, но и осуществил издание самой большой моей книги – «Археология человека».

И наконец, четвертый подарок – встреча (опять книга виновата!) с выдающимся ученым, изобретателем (9 авторских свидетельств, 4 международных патента), кандидатом физико-

математических наук, директором по научным и техническим вопросам АО «Медел» М.С. Моргуновым. Без просьб с моей стороны он инициировал и профинансировал издание книги «Прощай, обезьяна», наше сотрудничество продолжается и сегодня.

Много лет использует свое влияние для продвижения инверсионной теории антропогенеза Александр Секацкий, которого интеллектуалы двух столиц называют «самым значительным российским философом XXI века».

Благодарю за приветливое участие народного артиста России Игоря Борисовича Скляра. Внимание столь талантливого, умного, образованного человека имело для меня значение.

Неожиданную моральную поддержку я получил из Екатеринбурга, где вышла популярная книга нейролога, кандидата медицинских наук С.А. Лавровой. В книге о моей теории говорится, что она «связана с медициной, как пуговица с петлей». Книга выдержала два издания, в том числе в Москве (Лаврова, 2014, с. 27). Отмечаю это как факт научного мужества: уже первое издание подверглось жесткой критике за смелость.

Отдельная благодарность за поддержку и ценные консультации: доктору биологических наук, зав. кафедрой нормальной физиологии Российской медицинской педиатрической академии, автору многих монографий и учебников Ю.П. Пушкареву; доктору медицинских наук, профессору Военно-медицинской академии Е.А. Солдатову, доктору (phd, психология) М. Глазунову (Англия), доктору (phd, биология) А. Малкину (Израиль), доктору (phd, нейробиология) Д. Шейниховичу (Университет Кюри, Париж), кандидату исторических наук С.В. Жарниковой, кандидату технических наук С.И. Сребрянскому, кандидату медицинских наук, начальнику Научно-исследовательской лаборатории клеточных технологий Военно-медицинской академии И.А. Иванову, врачу высшей категории А.М. Моховикову.

Благодарю за помощь в продвижении важных для меня статей профессоров И.А. Гобозова (МГУ), В.А. Конева (Силезский университет, Польша).

Я был бы бесчувственным шимпанзе, если б не поблагодарил доктора психологических наук, профессора Медицинской академии им. Мечникова, главного редактора журнала «Вестник психофизиологии» О.С. Булгакову.

А также мою жену Татьяну, которая никогда не забывала напоминать, что, кроме принципиальных отношений с людьми, должны быть еще и личные.

Наконец, хочу выразить благодарность редактору этой книги В.Н. Ильину за настойчивость, с какой он убеждал меня взяться за переработку вышедших книг для их нового издания.

Глава I. Дарвин и дарвинисты

Моцарт и Сальери эволюционной антропологии

В 1857 году известный естествоиспытатель, автор книги о путешествии на корабле «Бигль» Чарльз Дарвин получил большой пакет. Его прислал Альфред Уоллес, молодой человек, еще не достигший тридцати лет. Дарвин, бывший в возрасте Сальери, т. е. на целое поколение старше Уоллеса, был поражен и отчасти сокрушен содержимым. Данное сравнение корректно, потому что уже доказано, что Сальери Моцарта не убивал, хотя завидовал его таланту и той легкости, с которой он творил. Сам Сальери был трудягой, писал много, трудно, посредственно.

Молодой путешественник и естествоиспытатель, будучи застигнут приступом малярии в Малакке, за несколько недель вынужденного бездействия создал то, над чем Дарвин работал уже более десяти лет: теорию эволюции видов! Только через год Дарвин принес трактат Уоллеса и свою книгу в Линнеевское общество, которое после рассмотрения решило, что у Уоллеса приоритет. Дарвин был обижен: мол, как же так, я уже десять лет корплю, а юноша раз – и выдал теорию играючи! Уоллес, пожалев трудолюбивого старика, отказался от приоритета («Если мистер Дарвин приложил столько усилий...») и даже не стал возражать против того, что Дарвин использовал его меткие определения в качестве названий глав своей книги. Он был настолько великодушен, что сам ввел термин «дарвинизм» как обозначение теории эволюции, основанной на естественном адаптивном отборе и изменчивости видов.

Но дальше их пути разошлись. Дарвин начал корпеть над третьим гротеском – о происхождении человека. Уоллес заявил, что постепенной эволюцией происхождение всех видов объяснимо, а вот происхождение человека – нет. Происхождением от обезьян не объяснить прямохождение, голое тело, а главное, мозг. Даже если получится объяснить происхождение тела, камнем преткновения остается сознание. Оно не могло получиться «мало-помалу» путем естественного отбора. Дарвин, как ему казалось, нашел выход: в происхождении человека решающую роль сыграл не естественный отбор, а половой. Его третья книга, которую он писал 11 лет, так и называется: «Происхождение человека и половой отбор».

Не надо думать, будто Уоллесу его открытие пришло в голову на пустое место. Его опыт практического натуралиста был богаче, чем у Дарвина. Он был сыном бедного человека и с юности зарабатывал на жизнь самостоятельно. В середине XIX века европейские зоопарки и ботанические сады только-только начали формировать свои коллекции. Храбрые парни ездили в джунгли, в пустыни, забирались в горы, собирая по всему свету и продавая коллекции раковин, растений, животных. Одним из них был Уоллес. Он не имел возможности получить высшее образование. Дарвин принадлежал к обеспеченным кругам, окончил престижный университет, имел время для научных занятий, т. к. проблема денег его не волновала. У Дарвина была только одна экспедиция на корабле «Бигль», где он находился в качестве гостя, богатого джентльмена, с ежедневными размеренными завтраками, обедами, ужинами в кают-компании. Уоллеса запросто могли съесть самого, он ежедневно рисковал жизнью и здоровьем.

Уоллес по взглядам был демократом, добивался избирательных прав для женщин, считая их равными мужчинам, осуждал колониализм. Дарвин, судя по книге о человеке, являлся носителем типичных предрассудков английского сквайра. Добропорядочному английскому джентльмену в те времена полагалось недолюбливать ирландцев, считать английский колониализм благом для «дикарей», считать женщин существами более низкого сорта, верить в Бога. Если из его книги убрать науку и оставить идеологию, то эти тогдашние европейские ценности и составляют ее содержание. Науки, в смысле теории, в ней, собственно, кот наплакал.

Дарвин применяет в ней тот же метод, что и его современник Маркс: логические доказательства подменяет многочисленными примерами. Доказательство – это король теории. Примеры – это свита, играющая короля. Но если короля нет, примеров тоже нет, есть сумбурный набор фактов. Маркс, доказывая свой «всеобщий закон капиталистического накопления», гласящий, будто по мере развития капитализма на одном полюсе будет накапливаться богатство, на другом нищета, вместо логики подставляет примеры тяжелого положения рабочих, взятые из газет. Значительная часть «Капитала» – вырезки из газет. Логика, что по мере развития капитализма рабочие станут основным населением и поэтому их благосостояние должно расти, а иначе кто будет покупать товары, Марксу мешала, и он ее третирует: ругался со всеми, кто такое говорил, употребляя почти нецензурные оскорбления (стоит почитать его полемику с графом Дестют де Траси). Именно на этом «законе», не доказанном логически, но проиллюстрированном выборочными примерами, зиждется «теория научного коммунизма» – ложная, как показала практика. Но это не касается марксовской политэкономии, хорошо обоснованной логически и подкрепленной примерами. Ее правоту жизнь, наоборот, подтвердила. Мир до сих пор развивается по открытым Марксом политэкономическим законам. Беда Маркса была в том, что он увлекся и залез в ту сферу, в которой был некомпетентен. То же самое произошло и с Дарвином.

Дарвин, выдвинув гипотезу полового отбора как основного в эволюции человека, приводит многочисленные примеры из жизни животных, особенно птиц, а не логические обоснования, почему у человека такой особый путь (здесь он целиком полагался на Бога, на которого у него ссылок больше, чем на любого другого автора). Если его книга «Происхождение видов» методологична (тезис – логическое обоснование – примеры), то книга «Происхождение человека» обходится без логики, а это значит, что теории в ней нет, но много такого, за что современного автора в Европе привлекли бы к суду.

«...Беспечные, безнравственные и часто порочные члены общества размножаются быстрее, чем осмотрительные и вообще добродетельные члены его, – пишет добрый дедушка Дарвин, приводя в подтверждение цитату из труда «мистера Грега»: «Беззаботные, ленивые, не предприимчивые, не стремящиеся ни к чему ирландцы размножаются, как кролики...» (Дарвин, 1953, с. 249, 250).

Непрерывно полемизируя с Уоллесом, Дарвин стремится выставить «дикарей» (он употребляет по отношению к первобытным людям это слово, хотя уже в XIX в. многие авторы использовали менее оскорбительные выражения) переходным звеном в непрерывной цепочке от обезьян к цивилизованному человеку. Поэтому, с одной стороны, он отдает должное их уму, изобретательности, мужеству, с другой – пытается доказать примерами, будто они имеют много общего с животными, и делает это весьма удивительно для нас, но типично для англичанина его времени.

Он подробно анализирует снижение численности австралийцев, маори, тасманийцев, жителей мелких захваченных англичанами островов и приводит причины демографических катастроф: болезни, распущенность женщин, высокая детская смертность вследствие небрежного ухода. Много внимания Дарвин посвящает благодеяниям английского правительства. Например, когда тасманийцев остались единицы, их семьи, имевшие более трех детей, были освобождены от налогов! Но почему в живых не осталось ни одного тасманийца при такой деятельной заботе цивилизованных англичан? Дарвин объясняет и это: «Здоровье многих наиболее диких человеческих рас сильно страдает при изменении условий и образа жизни... Изменения в образе жизни, которые сами по себе кажутся не вредными, по-видимому, сопровождаются тем же результатом... Дикарь в этом отношении, по-видимому, так же восприимчив, как его ближайшие родичи, человекообразные обезьяны, которые, будучи увезены из своей родины, как известно, никогда еще не выживали долго» (Дарвин, 1953, с. 293, 294).

О том, что колонисты вели загонные охоты на туземцев, как на животных, не видя разницы, Дарвин ничего не пишет, хотя это не было секретом, как и армейские операции с пушками против аборигенов с бумерангами и деревянными копьями. Своими охотами на «дикарей» колонисты, в большинстве каторжники, бахвалились. Победоносные операции английских полков в колониях освещались в прессе. Согласно мнению Дарвина, «невредные изменения» образа жизни вызвали почти полное самоистребление дикарей. Мол, сами себя истребили распущенностью и небрежным уходом за детьми и тем доказали, что они почти что обезьяны. И это его главный теоретический козырь в полемике с Уоллесом, уверявшим, что между обезьянами и первобытным человеком непреходимая пропасть! Дарвин считал, что различие «только количественное, а не качественное». Удивительно, но современные дарвинисты слово в слово повторяют этот тезис. Например: «Разница между мышлением человека и других животных все-таки в степени, а не в качестве» (Марков А., 2011, с. 44). В таком случае всегда возникает вопрос: автор себя имеет в виду, не видя качественной разницы между мышлением шимпанзе и своим собственным, или только «дикарей»? Если г-н А. Марков имеет в виду себя, то я не удивляюсь.

Для доказательства решающей роли полового отбора были необходимы примеры, когда появляются признаки, *не объяснимые* естественным отбором, т. е. неадаптивные. Дарвин приводит всего несколько таких примеров среди млекопитающих: разветвленные рога лося и лесных оленей, нос самца носатой обезьяны, нос самца морского слона, борода орангутана, грива льва, огромные горбы бизона и зубра, огромные клыки саблезубого тигра.

Все эти признаки на самом деле *объяснимы* естественным отбором!

Рога, прикрывающие почти все туловище, лося и лесным оленям необходимы не только для драк между самцами, но и для того, чтобы не стать добычей барса, рыси, росوماхи, которые прыгают с деревьев на круп, а также для обороны от стаи волков: для этой цели подходят именно разветвленные рога.

Носачи – это водные обезьяны, им длинные носы необходимы для ныряния: они успевают достать добычу из-под воды, пока вода течет через ходы длинного носа.

Большой нос морского слона не является лишним в битве за территорию с другими самцами. Именно он подвергается атакам соперников. Этот вырост может разлохматиться в драках, но при этом животное останется здоровым. Матерый самец в период гонки несколько раз за день дерется с молодыми, горячими, неопытными. Он мог бы их всех убить. А так у них появляется шанс на следующий год. Благодаря этому род слонов не прерывается. Природа часто дает подобные отвлекающие приспособления самцам. Например, роскошный гребень у петухов, который и подвергается атакам: пошла из гребня кровь, и дуэль окончена. В планы творения не входит, чтобы самцы уничтожали друг друга. Такое вообще случается редко. Чаще имеют место быть щадящие варианты. Львы и коты бьют соперников когтями по ушам, но не трогают глаза (а собаке кот постарается выпарапать именно глаз). Олени не бьют друг друга рогами по бокам, т. к. это смертельно, но только по рогам. У этологов это называется «врожденные ограничения для действий в драке» (Дольник, 2011, с. 111, 112). Часто природа наделяет самцов каким-нибудь чисто демонстративным признаком, чтобы дело до драк не доходило вообще. Иногда соперничество представляет собой демонстрацию угрожающих поз. И это все – адаптивные признаки, потому что способствуют сохранению генофонда видов при наличии здоровой конкуренции. Соперничество особей – это проявление естественного отбора в чистом виде.

Бороды и гривы разных животных – это эффективная защита шеи снизу и сверху. Дарвин сам описывает случай, когда именно грива защитила льва от атаки тигра. Все горбы млекопитающих (верблюдов, зебу, бизонов, зубров и т. д.) – это резервуары питательных веществ и одновременно защита спины: вцепившись в горб, хищник не нанесет смертельной раны.

Клыки саблезубого тигра Дарвин считал бесполезными и предназначенными только для привлечения самок. Это могло быть так, если б саблезубый охотился на зайцев, но его добычей были мамонты. В настоящее время восстановлен способ охоты (Дарвину он был неведом, отсюда фантазии). Тигр подкрадывался к стаду мамонтов, из засады внезапно протыкал одному из гигантов брюхо и убегал, но недалеко. Мамонты уходили, саблезубый крался за ними до тех пор, пока раненый мамонт не падал, сраженный сепсисом. Когда мамонты вымерли, исчез и саблезубый тигр. Все адаптивно. Ни одного примера неадаптивного признака у млекопитающих Дарвин, как ни старался, привести не смог!

Невероятно, не правда ли? Автор теории естественного адаптивного отбора старательно ищет неадаптивные признаки, опровергая самого себя! Перечеркивая свой замечательный труд, потому что не отдает себе отчета в том, что если половой отбор трактовать не по Уоллесу, т. е. как дополнение к естественному отбору, а придавать ему конкурентное значение, то теория естественного отбора становится бессмысленной! Выбор «или-или» убивает и первое, и второе. Самцы и самки соперничают друг с другом – это естественный отбор и одновременно половой. Побеждают и дают потомство самые приспособленные – это естественный отбор и половой. Самыми приспособленными являются самые сильные и те, у кого качества данного вида выражены наиболее выигрышно, – это естественный отбор и половой. Как только теория полового отбора отрывается от теории естественного отбора, она становится лишней сущностью, бросающей к тому же тень на гениальную теорию естественного отбора Уоллеса – Дарвина! Уоллес это понял, а Дарвин – нет, потому что один был Моцарт, а другой Сальери.

Он сосредоточился на птицах. Вообще книга под названием «Происхождение человека» – это не о человеке книга, а о птицах, описание разнообразия которых занимает большую часть текста. Примеров утомительно много, потому что природа «оторвалась» на птицах в своих художествах. Почему это произошло, объяснил русский биолог В. Фаусек. После того как чешуя некоторых динозавров превратилась в перья, эволюция получила возможность легко увеличивать и трансформировать объемы, не увеличивая массы: перья, в отличие от чешуи, легкие. Можно было творить новые виды, давая какие угодно внешние признаки, без нарушения принципов адаптации. Вид является адаптивным, если набор его признаков не приводит к вымиранию, и природе этого достаточно. Носи яркий хвост, тряси венчиком над головой, распушай перья перед соперником и самкой... Не тяготит? Ну и носи, тряси, распушай... Природа – большая выдумщица.

Уоллес разнообразие окрасок птиц назвал «видовыми метками». У птиц, ввиду их мобильности и относительно небольших размеров, гораздо больше экологических ниш, чем у млекопитающих. Не случайно в Антарктиде нет животных, кроме птиц. Виды должны различаться, поэтому эволюция использовала всю свою изобретательность. Что касается поразительной разницы в окраске самцов и самок у отдельных видов, Уоллес и это объяснил. У птиц, высиживающих яйца на открытом пространстве, самцы яркие, самки имеют покровительственную окраску. У птиц, высиживающих в дуплах и других укрытиях, самки тоже яркие – дятел, например. У птиц, где высиживают оба пола или один самец (страусы, пингвины), выраженного полового диморфизма нет.

Здесь мы не можем пройти мимо одного интереснейшего факта. У млекопитающих базовой моделью является самка (у мужчин, например, имеются молочные железы, которые Дарвин даже не считал рудиментами, это нормальные железы, просто гормонально незадействованные, у некоторых мужчин изредка даже выделяются капли молока – об этом пишет Дарвин). У птиц базовой моделью является самец. Это было выявлено опытами с кастрацией. Кастрированные самцы млекопитающих становятся похожи на самок. Например, волы, которые даже окраску меняют. Если в каком-то регионе быки темнее коров, то кастрированный бык будет иметь светлую шкуру, как корова. У мужчин-кастратов меняется голос, перестает расти борода. Ничего

подобного не происходит при кастрации птиц. Кастрированные самцы не становятся похожи на самок.

Опыты с кастрацией, проведенные в XX в., подтвердили правоту Уоллеса: *яркие раскраски птиц являются изначальными видовыми метками, а покровительственная окраска самок – это результат естественного адаптивного отбора*. «Установлено, что результаты опытов с кастрацией птиц и млекопитающих по отношению к окраске различны, – пишет А.Д. Некрасов, – у птиц асексуальным, внеполовым признаком является яркая окраска самцов, у млекопитающих – более скромная окраска самок. Для птиц, следовательно, более вероятным является предположение Уоллеса, что яркая окраска их была первоначально свойственна обоим полам» (Некрасов, 1953, с. 98). Все адаптивно и объяснимо естественным отбором и изменчивостью в его рамках. Яркая раскраска птиц – признак асексуальный, привлекать половой отбор для ее объяснения означает плодить лишнюю сущность.

Остался один павлин. О, павлин!!!!.. Здесь надо ставить толпу восклицательных знаков.

Его Величество Павлин

Павлин – это точка схода всех противников естественного отбора, т. е. антидарвинистов, и в то же время всех сторонников полового отбора, т. е. дарвинистов по полной (автор таковым не является, признавая научность книги «Происхождение видов» и ненаучность книги «Происхождение человека»). Отъявленные антидарвинисты и «дарвинисты по полной» дружно собрались на павлиньем хвосте. Само по себе это сходжение наводит на мысль, что что-то не так не то у павлина, не то у Дарвина.

Хвост павлина абсолютно неадаптивен и является абсолютным доказательством теории полового отбора, считал Дарвин, а за ним до сих пор все дарвинисты «по полной». А также все антидарвинисты, у которых этот хвост – козырный туз аргументации. В иных компаниях только заикнись о естественном отборе, сразу услышишь: «А как же хвост павлина? Все знают, что это абсолютно неадаптивный признак! Как он мог появиться? А?!..» И дальше льются вульгарная эзотерика, невысокая мистика или «случайно все вышло», в том числе с человеком. Все прогрессивное человечество убеждено, что хвост павлина – это абсолютно неадаптивная роскошь.

Дарвин, само собой разумеется, посвящает павлину много страниц и в виде резюме утверждает: «Многие самки предков павлина должны были в течение длинного ряда поколений оценивать это превосходство, потому что они бессознательно, постоянным предпочтением наиболее прекрасных самцов сделали павлина самой великолепной из живущих птиц» (Дарвин, 1953, с. 501). Дарвин даже не допускает мысль, что такой огромный хвост может как-то пригодиться в жизни, что называется, в «быту». Ему легче допустить существование эстетики у птиц, он пишет об этом, как о само собой разумеющемся! Впрочем, «загадку павлина» не решил также Уоллес. Адаптивное значение павлиньего хвоста было объяснено только в 2012 г. автором этих строк (Тен, 2013, с. 181, 182).

Ответ гласит: узкая адаптация. Павлин – птица, узко адаптированная к тропическим склонам круглогодичного цветения, а их немало в Евразии, где весь тропический пояс горист. Дело в том, что природный корм павлинов – летающие насекомые-опылители. В жарких тропиках цветы испускают нектар и привлекают насекомых только в сумерках или ночью, потому что под палящим солнцем давать нектар расточительно, он мгновенно испаряется. У павлинов, как у всех кур, есть такая особенность: «куриная слепота». Они не видят даже в легких сумерках, охотиться не могут; днем бабочки не летают. Возникает вопрос: а как вообще кормится павлин и его потомство? Почему павлины не вымерли и даже достигли больших для кур размеров? Ответ (вычисленный по наблюдениям за диким павлином в штате Мадхья-Прадеш): павлин распускает яркий цветной хвост, похожий на цветущую клумбу, и долго стоит без усилий, потому что хвост укладывается на кусты склона. В тени цветы, «замершие» под нещадно палящим солнцем, раскрываются. Как следствие, сюда залетают бабочки и другие насекомые в поисках нектара, и потомство павлина оказывается обеспечено едой. Тело павлина невзрачно, сливается с землей, а на голове венчик, похожий на цветок. Обманный цветок тоже привлекает бабочек, которых павлин с удовольствием кушает. Этот неповоротливый красавец с огромным хвостом-клумбой ловко ловит бабочек, кружащихся вокруг его маленькой головки с венчиком, похожим на раскрытый цветок, и длинной шеей. А маскировка какая от орлов – именно благодаря яркости, делающей павлина похожим на клумбу! А там ведь еще одна обманка есть: на хвосте дикого павлина обязательно имеется особый рисунок: «глаз». Установлено, что этот рисунок отпугивает орлов, которые не рискуют нападать, видимо, подозревая, что глаза принадлежат какому-то чудовищно огромному зверю, притаившемуся в многоцветном вертограде. Павлин может хоть целый день стоять, создавая тень для цыплят и самок, и при этом сам кормиться. Зоологи утверждают, что павлины никак не заботятся о павах и потомстве. Возможно, так оно и есть, павлин маскируется под клумбу, чтобы безопасно кормиться. Но, сам

того не ведая, он создает кормовую территорию для пав с выводками. Корм прилетает сам, а орлы не нападают. Великолепный симбиоз птицы, цветковых растений, насекомых-опылителей создала природа. Трудно придумать что-либо более адаптивное. Хвост павлина не просто адаптивен, это самая изощренная и результативная адаптация! Вот почему павы выбирают самцов с самыми яркими и большими хвостами. И они приглядчивы – павы. Люди вывели павлинов белого цвета. Так вот, павы выбирают из двух самцов павлина с разноцветным хвостом, а не с белым. Половой отбор дополняет естественный адаптивный. Так что все в порядке у павлина. Это у Дарвина не все в порядке.

Бит ваш туз, господа антиэволюционисты. А также дарвинисты «по полной», сторонники теории полового отбора как основного фактора эволюции. Нет такого неадаптивного признака, как хвост павлина в природе. Все в порядке у павлина с адаптацией, это в ваших головах буйно цветут признаки, не адаптивные к научным занятиям.

Адам и Ева

От птиц Дарвин переходит «по аналогии» к людям и удивляет еще больше. «Как было замечено выше, о том, что самка делает выбор, мы можем судить только по аналогии, умственные же способности птиц в своей основе не отличаются от наших», – пишет Дарвин (там же, с. 491). Выходит, что его реверансы в сторону обезьян – это еще цветочки. Он считает, что умственные способности кур в своей основе не отличаются от наших, что дает ему право на прямую аналогию. Но люди – млекопитающие, а среди этого класса Дарвину вообще не удалось найти таких убедительных доказательств решающей роли полового отбора, как павлиний хвост, хотя и там он ошибся. Критерием роли полового отбора является половой диморфизм, а он у людей внешне выражен не слишком... Известен исторический анекдот, вполне правдивый. Дети короля Людовика XIV стояли в Версале перед картиной, изображающей обнаженных Адама и Еву в раю, и младшая девочка спросила: «А где здесь Адам, где Ева?» – «Это невозможно определить, – важно пояснил юный дофин, – ведь они не одеты!»

Дарвин находит следующие признаки полового диморфизма: «Мужчина храбрее, воинственнее и энергичнее женщины и обладает более изобретательным умом». У женщины таз шире, чем у мужчины. Женщина достигает половой зрелости раньше мужчины. У мужчины растет борода. Существует различие в голосе (там же, с. 603). Немного, и при этом все объяснимо естественным отбором. Но Дарвин упорно гнет свою линию.

«Неправдоподобно, чтобы большая сила мужчины была приобретена первоначально как наследственный результат более тяжелых трудов, которые пришлось на его долю для поддержания собственной жизни и жизни семьи, потому что у всех диких народов женщины приуждены исполнять по крайней мере столь же трудную работу, как и мужчины», – пишет Дарвин, доказывая решающую роль полового отбора (там же, с. 608). Мол, для жизни в дикой природе сила мужчине и не нужна, это только женщинам нравятся мускулистые торсы... Наравотать мускулы мужчины не могли... Трудовая теория, дополненная половой. Но кто доказал, что человек рожден для физического труда? Сильные выживали, потому что мужчина – это защитник и охотник, сила в дикой природе нужна. Уоллес, которому приходилось карабкаться по скалам и деревьям, драться с хищниками и нехорошими людьми в его путешествиях, охотиться, чтобы не умереть с голоду, точно знал, что сила в дикой природе нужна. Дарвин, всю жизнь проживший в идеальных условиях, этого не знал. Вот вся разница, объясняющая, почему Уоллес в принципе не мог написать такую чушь.

Далее Дарвин пишет такое, за что его сейчас объявили бы сексистом и устроили публичную моральную казнь. Он вступает в полемику с теми, кто не считает, что мужчина умственно превосходит женщину. Для него это важно, потому что это главный аргумент в споре с Уоллесом, он имеет отношение к происхождению разума. Половой отбор! Женщины выбирали умных, поэтому появился человек разумный! Но откуда спустя миллионы лет отбора по уму на планете столько безнадежных антропологов?!

Вообще, книга Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» – это нескончаемый спор с «мистером Уоллесом», который, по всей видимости, был занозой в сердце Дарвина, что объяснимо психологически, учитывая предысторию взаимоотношений. Если б книгу проанализировал психоаналитик, не сомневаюсь, он поставил бы диагноз «психологическая зависимость». Похоже, что данной книгой Дарвин мечтал взять реванш.

Разумеется, самки выбирали не только по силе, но и по уму, но это дополнение к естественному отбору, согласно которому выживает не только сильнейший, но и умнейший.

«Главное различие в умственных способностях обоих полов проявляется в том, – выдает Дарвин настоящий перл, – что мужчина во всем, за что он берется, достигает совершенства, не достижимого для женщины. Это проявляется как в области глубокой мысли, разума или

воображения, так и в вещах, требующих простого употребления органов чувств и рук» (там же, с. 608).

Обратите внимание на чуйства-с. По мнению Дарвина, даже в эмоциях мужчины превосходят женщин! Убежденный сексист! Почему его до сих пор не запретили на Западе? Хотя, конечно, в чем-то он прав, особенно в свете того, что современным мужчинам даже быть женщинами удастся лучше, чем женщинам. Они побеждают на женских конкурсах красоты и успешно справляются с ролями жен в личной жизни. Но в таком случае как быть с половым диморфизмом? Это, разумеется, ирония. На самом деле Дарвин, безусловно, не прав. В большинстве профессий женщины проявляют себя не хуже мужчин, хотя, разумеется, есть профессии, в которых мужчины превосходят женщин. Но есть ведь и такие профессии, в которых женщины превосходят мужчин. Эмоциональная сторона женской натуры уж точно не уступает мужской. А ведь он был ограниченный человек, наш сквайр.

Обретение предками человека бороды Дарвин полностью относит на счет полового отбора (там же, с. 637). Ему не приходит в голову, что, кроме случайного женского каприза, у природы могла быть естественная причина наделить мужчину пучком жестких волос, прикрывающих шею в драке. Почему не провести аналогию с гривой льва? Ах да, мы забыли, что гриву Дарвин тоже записал в неадаптивные признаки, хотя сам же описывает, как грива помешала тигру вцепиться в шею льва! Точно так же, как неадаптивный и даже вредный признак, обусловленный половым отбором, он объясняет отсутствие шерсти на теле, противореча самому себе как автору теории о выживаемости наиболее приспособленных видов. Мол, нравилось голое тело самкам или самцам обезьян при выборе полового партнера – вот и вся причина. Именно такое животное должно было оставить больше всего потомства, считал Дарвин.

В зоопарке индийского города Майсор в настоящее время живет голый шимпанзе, встречались голые особи и раньше. Но они не оставляют больше потомства, чем другие, наоборот, самки их избегают. Они, как представители всех видов, любят нормальных представителей своего вида. На отсутствие шерсти в данном случае можно смотреть как на атавизм, потому что – я в этом убежден и ниже докажу – шимпанзе происходят от гоминин.

«Несколько труднее объяснить, каким образом у многих рас развились длинные волосы на голове», – размышляет Дарвин, и здесь не находя разумных естественных причин (там же, с. 642). Половым отбором волосы скальпа не объяснить, они растут с одинаковой скоростью у мужчин и женщин. На самом деле это не просто адаптивный, это суперадаптивный признак. Человечество не смогло бы выжить, если бы люди не имели длинных волос на голове, хотя обезьяна с длинными волосами на голове погибла бы неизбежно.

«...Верное доказательство, что цвет кожи у человека был видоизменен половым отбором, не может быть представлено...» – пишет Дарвин (там же, с. 643). Но где он, собственно, представил верные доказательства? Нигде! Но он все-таки пытается что-то представить по данной теме – трудно, длинно, неубедительно. В наши дни ни один даже самый рьяный дарвинист не считает цвет кожи неадаптивным признаком. Хотя объяснения бывают дичайшие, но все-таки идет привязка к климату, ландшафту, солнечной радиации. В данном вопросе Дарвин не имеет последователей даже среди своих самых оголтелых сторонников.

«Многие из развитых здесь взглядов имеют крайне умозрительный характер, и некоторые, без сомнения, окажутся ошибочными...» – самокритично пишет Дарвин в заключении к книге «Происхождение человека и половой отбор» (там же, с. 645). Нет, не многие, хочется сказать, а все, имеющие отношение к идее книги ввиду ее ложности. Среди побочных замечаний есть эвристичные, некоторые мы с благодарностью приведем в ходе рассмотрения вопросов анатомии и физиологии человека в разрезе эволюции. Но в целом замах не соответствует результату. Написав огромную книгу, Дарвин попытался объяснить всего несколько странных особенностей человеческого организма, не объяснимых естественным отбором от обезьян, да

и то неудачно. На самом деле таких странностей в каждом из нас множество. Дарвин это понимал.

«Нет сомнения, что человек... обладает образованиями, которые, насколько мы можем судить при наших недостаточных знаниях, не приносят ему никакой пользы в настоящее время и не могли быть полезны ни в какой период его существования ни в отношении общих условий жизни, ни при взаимоотношениях полов между собой. Наличие таких образований нельзя объяснить какой-либо из форм отбора или наследственными результатами упражнения или неупражнения органов», – это замечание в конце книги одного из авторов теории эволюции весьма ценно (там же, с. 646). С точки зрения происхождения человеческого тела это самый интригующий вопрос. Эти «бесполезные образования», которые не смогли объяснить ни Дарвин, ни его последователи даже половым отбором, куда, кажется, можно впихнуть все, мы вычленим и объясним в этой книге.

Роль труда в театре абсурда

В 1925 г. в Москве был впервые в мире опубликован неоконченный труд Ф. Энгельса «Диалектика природы». Отрывок «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» казался убедительным теоретическим завершением теории эволюции «по Дарвину», который сам высказывал подобные мысли о роли труда. После этого выражение «труд сделал из обезьяны человека», применяемое в самых разных контекстах (например: «...а ты, лодырь, скоро превратишься обратно в обезьяну»), стало поговоркой. В научных трудах данный тезис употреблялся в предложениях, не допускающих возражений. Например: «Как известно, причиной, которая лежит в основе процесса очеловечения животноподобных предков человека, является возникновение труда...» (Леонтьев, 1983, с. 222).

«Как известно...» Есть кандидат (обезьяна), есть «дорожная карта», как вывести обезьяну в люди (трудовая теория). А в итоге уверенное «как известно» превратилось к концу XX в. в «неизвестно что». «Теория антропогенеза подошла к черте, где изучение частных не дает ничего принципиально нового», – написал палеоантрополог В.М. Харитонов в 1988 г. (Харитонов, 1988, с. 77). «В отличие, например, от представителей точных наук, в частности физиков, палеоантропологами пока не создано ни одной подлинной теории», – справедливо написал Ю.И. Семенов в 2002 г. (Семенов, 2002, с. 14). Кстати, он сам является автором толстой книги «Возникновение человека», впервые вышедшей в 1966 г. (своеобразный апофеоз «трудовой теории»). «Фактов много, но все они уложены в крайне убогие, либо фантастические схемы», – написал философ Б.В. Марков в 2005 г., подчеркивая, что «существует большой разрыв между открытиями палеоантропологии и их истолкованиями» (Марков Б., 2005, с. 130). «...Всю жизнь – более пятидесяти лет – общаясь со здоровым и больным мозгом человека, – написала нейрофизиолог Н.П. Бехтерева в 2006 г., – поверить в такую эволюцию, как на известных картинах шагающих друг за другом чудовищ, я не могла. Я всегда была уверена, что выкапывают преимущественно останки тупиковых линий, о чем, кстати, и говорила. Как известно, в отношении некоторых чудовищ это оказалось правдой» (Бехтерева, 2011, с. 7). Антрополог-симбиот С. Дробышевский пишет: «Ныне у антропологов сложность не с недостатком, а с избытком информации» (Дробышевский, 2018, с. 43).

Симбиоты – прошу запомнить – это сторонники гипотезы происхождения человека от обезьян.

Не приходилось слышать, чтобы представители других наук, изучающих древности, жаловались на избыток фактов. Наоборот, всем не хватает фактов. Либо что-то не так с фактами, либо с антропологами. Но факты – это исторические памятники. Только ненормальные могут на них жаловаться. Антропологи – это люди, которые, как известно, часто заблуждаются.

Справедливо критикуемые концепции палеоантропологов не являются научными теориями, потому что не дают внятной, без допусков некоего чуда, ретроспективы эволюции человека. Началом обычно является допуск («обезьяны сошли с деревьев на землю, где перешли к прямохождению; но вопрос о причинах, – это «проклятый вопрос антропогенеза», ответа на который никто не знает»), то есть пускового механизма нет. Далее обычно следует изнурительно наукообразное и бессмысленное перечисление ископаемых гоминин, в каждой концепции выстраиваемых по-своему, но ни в одной сколько-нибудь убедительно. Концовки не бывает, так как о происхождении сознания палеоантропологам сказать нечего, кроме таких же нудных переборов: у кого зоны Брока и Вернике есть, а у кого их нет, и здесь сплошная перепутаница, в линию прогресса по этим признакам гоминины не выстраиваются. Уверения, будто антропоиды обретали разум и язык «мало-помалу», «постепенно», «шаг за шагом», давно никого не убеждают. Это просто лукавство: подменять причинность постепенностью. Вообще нет более удобной сферы приложения сил для жуликов в науке, манипулирующих косточками,

как наперсточники на провинциальном вокзале. «Даже по австралопитекам – самым древним из прямоходящих – имеются тысячи находок» (там же). Есть чем манипулировать.

В связи с тем что без фактора чуда антропологи обойтись не способны, существенного отличия от креационизма в научной палеоантропологии нет, как в отечественной, так и в западной. Паче того: у креационистов только один допуск в начале – Бог создал мыслящее существо по своему подобию, – а дальше у них все складывается умно и логично. Неизмеримо умней и логичней, чем у ученых-симиалистов, чьи наукообразные тексты явно проигрывают интеллектуально текстам умных теологов и при этом постоянно сбиваются на креационизм. Ученые никак не могут обойтись в своих схемах эволюции человека без фактора чуда. Чудом является уже сползание обезьян на землю, притом что ни необходимости, ни возможности у них не было для этого подвига. Предлагаемое объяснение было: чтобы трудиться. Но где пусковой механизм, где причина? Откуда вдруг возникла неодолимая тяга к труду? Или была изначально, как у муравьев? Но те виды, которые сформировались благодаря рефлекторному труду, просто не могут не трудиться. Муравьи умирают, когда их лишают возможности трудиться, но про обезьян этого не скажешь и про людей тоже.

Изначально все антропоиды, как известно, лишены трудовых инстинктов, и сползание с деревьев на землю не может являться первотолчком: гориллы обитают на земле и не трудятся, а почти все время бодрствования тратят на то, чтобы жевать малокалорийную пищу или лежать, экономя энергию. Не тянутся к труду более активные недревесные обезьяны саванн. *Обезьян, испытывающих потребность в труде, на Земле вообще не существует!*

Трудовые животные, как правило, не отличаются сообразительностью в сравнении с другими. Природа, как правило, обрекает на рефлекторный труд далеко не самых развитых животных, которые, встав на эти рельсы, уже никогда не поумнеют, скорее наоборот. Дарвин считал очень умным животным трудовую пчелу. Но опыты этологов в XX в. показали, что, если передвинуть улей всего на метр, пчела не найдет дороги к нему! Будет кружить рядом с родным ульем, пока не упадет замертво. Не дура ли несчастная? Дура, хотя и трудяга, и труд пчелы – очень сложный инстинкт. Как бы ни был сложен рефлекторный труд, он не влечет за собой развитие интеллекта.

Далее, необходимо обратить внимание на следующий факт, до сих пор не входивший в поле зрения палеоантропологов, причислявших к «трудовым животным» узкий круг: пчел, муравьев и бобров. На самом деле «трудовых животных» на планете гораздо больше, чем принято думать. К ним относятся *почти все животные*: от плетущих сети пауков и катающих шарики жуков до слонов, пробивающих дороги в джунглях. Трудятся птицы, строящие гнезда и инкубирующие яйца; все норные животные; все животные, использующие какие-либо приспособления для добывания пищи, например вьюрки или каланы; все животные, делающие запасы на зиму, и т. д. и т. п. Неустанно трудится землекоп крот, роя тоннели под землей, чтобы потом собирать червей, попадающих в них. Трудятся белка и хомяк, причем это труд с отодвинутым потреблением его результатов. Кролик, живущий в квартире, время от времени стучит по полу, откуда возник образ «зайчика-барабанщика». На самом деле кролик «пробует грунт», в нем активизируется трудовой рефлекс: рыть землю. Труд – это не редкий в природе фактор эволюции, это массовое явление, не влекущее разумность в качестве следствия, даже если труд очень сложный и с отодвинутым результатом. Например, садовые муравьи занимаются сельским хозяйством настолько грамотно, что люди могут им только завидовать. Они разводят тлей, перетаскивая их с дерева на дерево, доят их, ферментируют продукцию, сохраняют яйца тлей зимой в тепле муравейника.

Вообще трудно найти нетрудовой вид в природе. *Исключительно нетрудовыми животными являются понгиды*, к привычкам которых постоянно апеллируют антропологи, доказывающие, будто «труд сделал из обезьяны человека». Животных, у которых имеются рефлекторно-трудовые навыки от природы, люди приучили к труду и используют, например слонов.

Люди сумели выработать условные трудовые рефлексy даже у тех животных, которые не имели таковых безусловных рефлексy: у ослов, быков, лошадей, собак. Но с обезьянами ничего не вышло! Из этих брахиаторов могли бы получиться идеальные полотеры, сборщики плодов и т. д. Однако свои конечности, так похожие на человеческие, обезьяны используют как угодно, только не для труда. В странах победившего марксизма проводились опыты по экспериментальному доказательству теории Энгельса. Можно представить, насколько настойчивыми были эти опыты: если бы удалось принудить шимпанзе устойчиво выполнять хоть одну трудовую операцию, это было бы великой научной заслугой с огромным идеологическим значением и карьерными оргвыводами. В 30-е годы получили известность опыты Н. Ладыгиной-Котс по выработке условных трудовых рефлексy у шимпанзе. Например, молодой шимпанзе Иони приучался добывать молотком торчащий гвоздь за вознаграждение. «...В результате своей большой практики, – честно пишет Ладыгина-Котс, – Иони все же никогда не забил ни одного гвоздя» (Ладыгина-Котс, 1935, с. 226).

В Индии, южнее полосы Мумбая, деревья манго растут в каждом дворе без ухода. Все увешаны плодами. Манго на рынках стоит 200 рупий за кг. Ананасы люди выращивают, поливая потом. Стоят ананасы на рынках 20 рупий за кг. Разница в том, что деревья манго высоченные, собирать плоды – опасный труд. По деревьям шмыгают обезьяны, причем одни из самых сообразительных – макаки. Почему, казалось бы, не приучить их рвать манго? Разве не идентичными являются такие трудовые операции, как доставка хозяину подстреленных куликов и доставка плодов с деревьев? Почему у собак оказалось возможно выработать трудовой рефлекс по доставке, а у обезьян – нет? Обезьяны не глупее собак, следовательно, в принципе можно выработать любой рефлекс, доступный собакам. Причина одна: патологическое отвращение к рефлекторному труду.

Интересная тема для зоопсихологии: существование видов, испытывающих патологическое отвращение к рефлекторному труду, притом что вся природа увлеченно трудится. И еще более интересная тема для психологии, занимающейся когнитивными диссонансами: почему уникально «нетрудовое» животное – обезьяна – было назначено учеными «трудящимся предком человека»?

Обычно тексты подобных ученых начинаются с рефлекторного труда, но чисто декларативно. Далее происходит системный сбой, наблюдаемый у всех известных сторонников труда как причины сапиентации. Например, академик А.Н. Леонтьев в «Очерке развития психики» пишет: «Как известно, причиной, которая лежит в основе процесса очеловечения животногоподобных предков человека, является возникновение труда и образование на его основе человеческого общества... Труд создал и сознание человека» (Леонтьев, 1983, с. 222). Но это так и остается декларацией. Когда академик переходит к реконструкции процесса сапиентации, он сбивается на охоту. В качестве примера начала совместной деятельности «животноподобных предков человека» он приводит не коллективный труд, а коллективную загонную охоту (там же, с. 227–228). То же самое наблюдается у профессора Ю. Семенова, который, перейдя от деклараций вводной части к конкретной реконструкции событий в главе «Основные этапы развития первобытного человеческого стада», пишет не о труде, а об охоте, *начиная реконструкцию именно с нее, а не с труда* (Семенов, 1966, с. 286). Чем объяснить эту непоследовательность сторонников «трудовой теории»? Ничем, кроме как очередным лукавством, политесно именуемым «когнитивный диссонанс».

На базе фактора труда никакая реконструкция сапиентации невозможна в принципе, она еще ни у одного ученого не получилась и *никогда не получится*. Дело в том, что развитие коллективной трудовой рефлекторной деятельности с целью роста эффективности возможно только в векторе специализации, а это «пчелиный тупик». Как пишет академик В.П. Алексеев, «...физиологическая обусловленность разделения труда, усложняя формы рабочей активности животных и представляя собой биологический путь обеспечения этой усложненности, в

то же время крайне неперспективно в эволюционном отношении, косо, специализированно. Оно есть не широкая магистраль эволюционного развития, а отходящие от нее тупики эволюции» (Алексеев, 1984, с. 132, 133).

«Младшие современники Ч.Дарвина – Д.Д. Дана (1813–1895) и Д.Ле-Конт (1823–1901), два крупнейших североамериканских геолога (а Дана к тому же минералог и биолог), выявили еще до 1859 г. эмпирическое обобщение, которое показывает, что *эволюция живого вещества идет в определенном направлении*. Это явление было названо Дана «цефализацией», а Ле-Контом «психозойской эрой», – писал Вернадский в статье о ноосфере. Он считал, что целью эволюции является создание разума и дальнейшее развитие его в ноосферу (Вернадский, 1944, с. 113–120).

Здесь я намерен сформулировать – ни много ни мало – ***закон прогрессивной биологической эволюции: если считать целью прогрессивной эволюции разум, то физический труд – это фактор антиэволюционный. Если вид переходит к труду как основной форме активности, то будущего он не имеет.***

Насколько это противоречит тому, чему учили нас в школе и чему до сих пор учат молодежь даже в ведущих университетах!

В люди – прыжком, или Зачем нужен секс

Еще один «естественный фактор эволюции», который привлекается для объяснения происхождения человека, – внезапная мутация. На нем в основном зиждется т. н. сальтационизм, т. е. гипотезы внезапного появления новых качеств, не мотивированных предыдущим развитием («сальто» – прыжок через голову). Известна концепция археолога Г. Матюшина, который утверждал, что человек появился в зоне разлома земной коры в Восточной Африке благодаря воздействию жесткой радиации, которая привела к специфической мутации понгид, включая переход к прямохождению, труду и появлению сознания (Матюшин, 1982). Эта концепция не случайно появилась в начале 80-х годов. Системный кризис «трудовой теории» начался в 70-е годы, когда абсолютные датировки сломали выстроенный на базе окаменелостей ряд распрямляющихся уродов.

Разберемся, начиная с предыстории подобных идей. Основоположителем мутационизма в биологии является Х. Де Фриз, ему же принадлежит термин «мутация» (1901). В представлениях Де Фриза, как кратко пишет Э. Майр, «мутация – это коренная реорганизация типа, способная сразу создать новый вид» (Майр, 1973, с. 113). За столетие, прошедшее со времени высказывания Де Фризом этих идей, имевших антидарвиновскую направленность, они достаточно полно оценены биологами-эволюционистами; они не отвергнуты полностью, частично вписаны в эволюционные схемы, в которых нет места утверждениям, подобным тем, что предлагает Г. Матюшин.

Мутационный процесс может быть (и является) «поставщиком нового элементарного материала» (Тимофеев-Ресовский, Яблоков, 1974) для естественного отбора, представления о котором существенно изменились со времен Дарвина. Выяснилось, что мутации на клеточном уровне происходят постоянно во всех организмах, достигая огромных количеств на уровне популяций. Еще в 1926 г. С.С. Четвериков образно сформулировал, что «популяция впитывает мутации, как губка впитывает воду» (Цит. по: Северцов, 1981, с. 37). Следующим шагом было появление в 40-е годы теории «стабилизирующего отбора» И. Шмальгаузена (Шмальгаузен, 1968), в которой роль естественного отбора переосмыслена «до наоборот»: он не только не инициирует, он притормаживает процесс изменчивости и отсекает крайности!

Вспомним, кстати, о происхождении потрясающего разнообразия видов птиц, где природа разгулялась вовсю, получив «перо в руки». Она создавала яркие и почти немыслимые виды птиц, предоставляя им выживать или сходить со сцены. Естественный отбор в большинстве случаев «молчал», потому что легкость и многообразие форм пера делали возможным выживание почти любых трансформеров, не угрожая их жизни. Это аналогично употреблению легких материалов в строительстве. Легкие бетоны и пластики сделали возможным строительство зданий с самыми причудливыми формами, что раньше было невозможно. Естественный отбор работает согласно принципу адаптивной допустимости, и он работает, даже когда молчит. А это *естественное отсутствие реакции* часто представляют как полное отсутствие естественного отбора. Если таможня в «зеленом коридоре» не задерживает каждый чемодан, это не означает, что таможни нет вообще.

Как известно, классический дарвинизм исходил из творческой роли естественного отбора, который продуцирует новые качества видов или новые виды, потому что в них появилась нужда. Вот мистер Отбор сел, подумал и придумал новый вид. Сейчас естественный отбор рассматривают в прямо противоположном качестве: в качестве «фактора, снижающего изменчивость популяций» (Майр, 1973, гл. 8). На самом деле естественный отбор – не столько деятель эволюции, сколько фильтр. Он работает не как гончар, добавляющий материал, а как скульптор, отсекающий все лишнее.

Естественный отбор отсекает вредные мутации, «комбинируя нейтральные и полезные мутации» (Тимофеев-Ресовский, Яблоков, 1974, с. 522; кстати сказать, А.В. Яблоков, выдающийся советский биолог, являлся сторонником акватической теории). Новое качество не может появиться «ниоткуда», прежде необходимо накопление «критического минимума» незаметных количественных изменений, и отрицание подразумевает сохранение, а «каждый фенотип – компромисс между противоположно направленными давлениями отбора», как утверждал автор синтетической теории эволюции Э. Майр (Майр, 2004, с. 75). Ключевое слово: компромисс. Мутации в геномах происходят непрерывно и массово, но закрепляются те, которые пропустит мистер Отбор.

«Процесс естественного отбора есть диалектический процесс, который мы обнаруживаем в природе», – считает Г. Аллен (Allen, 1983, р. 81–103). Иное, сальтационистское понимание является вульгаризацией и поэтому антинаучно. Это тоже не что иное, как фактор Чуда. «При всей сложности проблемы, – пишет академик Л. Татаринов, критикуя Г. Матюшина, В. Кордюма, О. Шиндевольфа и других «сальтационистов», – нам кажется возможным утверждать, что прямолинейный сальтационизм на уровне возникновения высших таксонов... не выдерживает проверки фактами. Тем не менее мы встречаемся со все новыми попытками популяризации вульгарного сальтационизма. Конечно, сейчас трудно полностью согласиться с излюбленным Дарвином выражением «природа не делает скачков». Многие процессы и в эволюции, и в жизнедеятельности организмов настолько сложны, что мы с трудом приближаемся к их пониманию... Однако вульгарный сальтационизм, стремящийся объяснить все качественные различия в природе независимо от их глубины более или менее мгновенными скачками, явно бесперспективен» (Татаринов, 1985, с. 35). С этим нельзя не согласиться. На мой взгляд, вульгарный сальтационизм объясняет не больше чем креационизм, т. е. концепция творения человека Богом.

Существуют генетические пороги, препятствующие сальтации видов, особенно у размножающихся половым путем. Во-первых, гетерозиготность мутантных генов. «...Гипотеза, что новые виды могут возникать путем единичных крупных мутаций, оказалась ложной... – пишет Ф. Шеппард. – Даже если такие мутации возникали бы, они имели бы мало шансов выжить. Кроме того, поскольку виды обычно не скрещиваются и поскольку мутации при своем возникновении находятся в гетерозиготном состоянии, то для того, чтобы возникла гомозигота по новой мутации (если бы даже такая форма выжила) у двуполовых организмов с половым размножением, требуются по крайней мере один самец и одна самка, которые находились бы одновременно в одном месте и были бы гетерозиготны по новой мутации. Такое событие было бы возможно лишь у организмов с бесполом размножением» (Шеппард, 1970, с. 197).

Во-вторых, дискретность генов. Здесь опять необходимо углубиться в историю. После выхода книги «Происхождение видов...» Дарвин наткнулся на возражение, на которое не смог ответить до конца жизни, что сам честно признавал, называя это «кошмар Дженкина». Английский инженер Дженкин заявил, что, даже если у какого-либо организма появится какое-либо адаптивное изменение, оно в ходе скрещивания с другими, неизменными организмами просто рассосется. Если не в первом поколении, то в пятом, десятом, двадцатом все возвратится на круги своя. Следовательно, утверждал Дженкин, разнообразие видов создано изначально и никакой эволюции нет.

С другой стороны, Дарвина вроде бы опроверг монах Мендель, который своими опытами с горохом доказал, что природа все-таки делает скачки. Мендель выявил свойство процесса наследственности, которое впоследствии было названо «дискретность генов». Скрещивание двух разноокрашенных сортов гороха показало, что дарвиновское представление, будто новая полезная адаптация обязательно закрепится в следующем поколении, было неверно. Новый признак вообще может не проявиться в следующем поколении. Это у растений. У более сложно устроенных организмов еще более замысловатый аппарат наследования. Дарвин знал об опы-

тах Менделя, но проигнорировал их. Между тем Мендель на самом деле опроверг «кошмар Дженкина», который исходил из того, что каждый вновь возникший ген немедленно реализуется и в конце концов рассосется в общей массе. Отнюдь. Дискретность генов означает, что новый генетический материал не рассасывается, а хранится в запасниках генома, при этом мутантные гены не обязательно реализуются. Новый ген может проявить себя в отдаленной перспективе, а может вообще не выявляться, перейдя в скрытую форму существования и гуляя от организма к организму. И только накопление новых мутаций, возможно, вызовет его к жизни. А возможно, и не вызовет, если условия существования вида будут оставаться стабильными. В каждом организме множество таких «спящих» генов.

С. Четвериков был прав: организм впитывает мутации, как губка. И этот запас генетического материала делает его потенциально способным к изменчивости при изменении условий существования. Это на уровне отдельного организма. А на уровне вида все зависит от рамок, в которые будет поставлен вид. Генофонд вида – это среднестатистическое измерение, где крайности отсеиваются.

В-третьих, против «прыжка в люди» посредством разовой мутации говорит следующий факт. Природой созданы специальные механизмы, позволяющие высокоразвитым видам сохранять стабильный генофонд.

Почему простейшие организмы, например вирусы, так быстро мутируют? Потому что у них бесполое размножение. Появилась какая-то мутация – и она начинает реплицироваться один к одному. Половое размножение в этом смысле невыгодно, потому что резко уменьшает скорость размножения вида. Поэтому ученых всегда интересовал вопрос: почему появился секс?

Преимущество полового размножения обычно представляют как способ, который природа изобрела с целью комбинирования генетического материала, которого сразу становится в два раза больше уже при контакте первых мужской и женской особей, а далее – в геометрической прогрессии. Такое объяснение происхождения полов в свое время предложил знаменитый Вейсманн. Но его недостаточно. На самом деле разнообразие генетического материала лучше обеспечивают мутации при бесполом размножении, ведь они происходят почти лавинообразно и сразу же реализуются. Главная причина – в другом. В чем?

Представим себе человека с каким-нибудь генетическим дефектом, например лилипута. Если бы он размножался простым делением самого себя, как вирус, он со стопроцентной вероятностью породил бы другого лилипута. Но он женится на лилипутке, и – о чудо! – два лилипута рожают совершенно нормального ребенка.

На самом деле главная цель природы была другая: обеспечение стабильности видов в высших эшелонах животного царства. Когда мы сооружаем шалаш, нам стабильность ни к чему. Мы этот шалаш за полчаса построим, за пять минут развалим и построим новый. Когда мы строим большой каменный дом (а человек – это дворец, это Версаль эволюции), фактор постоянства имеет огромное значение. Мы только начали возводить фундамент – и тут же его перестроили... Когда до крыши дело дойдет? Никогда.

Вот об этом пишет Шеппард. Зигота – это оплодотворенная половая клетка, первичное яйцо, содержащее отцовский и материнский геномы. Она благодаря детородному половому акту является диплоидной, что означает, что каждая хромосома в ней существует в двух копиях. Каждый ген существует в двух копиях, которые называются аллелями. При этом мутантные гены, как правило, бывают рецессивными, это случайные новички. Гены, составляющие устойчивый генофонд данного вида, уже много раз реплицировались, они являются доминантными. Гены – создания с характером. Не случайно Р. Докинз предложил в книге «Эгоистичный ген» новую теорию эволюции, согласно которой объектом эволюции является не вид, не популяция, а ген. Организмы для гена – это всего лишь временные убежища (Докинз, 2016).

У рецессивных генов есть шанс реплицироваться, только если они – в гомозиготе, т. е. обе аллели в одной зиготе мутировали абсолютно одинаково. Тогда при свертке (а двойная «запись» существует именно для свертки) в ходе репликации «чужак» не будет распознан.

Если изменятся условия существования вида и то, что несет в себе данный ген, станет выгодно, тогда естественный отбор позволит ему проявить «эгоизм».

Странно, но такую выгоду полового размножения, как стабилизация видовых признаков, благодаря избавлению от вредных мутаций при свертках, первым сформулировал только в 1988 г. А.С. Кондрашов (Kondrashov, 1988).

В-четвертых, чистка генома. В 2001 г. американцы В. Райс и А. Чиппендейл доказали, что, даже если мутация происходит в гомозиготе и наследуется впоследствии благодаря рекомбинациям, которые обеспечивает половое размножение, вид стремится восстановить свой генофонд. Мутантные гены неизбежно попадают при рекомбинациях в гетерозиготные формы и переводятся в «спящую» форму при свертке с адекватными аллелями. Этот процесс назвали «чисткой генома». Благодаря чистке генома вид восстанавливает свою исходную форму даже после многих скрещиваний. Вот почему одичавшие животные самых разных пород становятся похожи на диких предков. Показательный пример приводит сам Дарвин. Выведенные породы голубей очень красивы, но признаки половым отбором не закрепляются. Как только прекращается изолированное содержание, все возвращается к обычному сизарю (Дарвин, 1953, с. 83). Вид, добросовестно занимающийся продуктивным сексом, нелегко сдвинуть с занимаемого им места в биосфере. И эта «дорожная карта» антропогенеза – разовая мутация – оказалась бита в ходе развития науки.

Люди – пришельцы?

«Какая точная подгонка, даже лист бумаги нельзя просунуть между двумя каменными блоками! Нет, люди без шлифовальных станков не могли это сделать! А откуда станки? От инопланетян!» Знакомо?

Были шлифовальные станки у древних вождей и царей. Они называются поощрение и наказание. Если современному энтузиасту с листком бумаги дать абразивный камень, воду, песок, вырубленный монолит песчаника (например, 1 × 1 метр) и сказать, что он должен быть отшлифован до блеска за месяц, а иначе ты, уважаемый, будешь посажен на кол, – камень будет отшлифован до блеска и ляжет на другой так, что другой энтузиаст не просунет листок. Разные авторы пересказывают бесконечные истории о находках сложных изделий возрастом миллионы лет, но почему-то после находки все эти предметы куда-то исчезают. В принципе я был бы не против подобных версий, ибо это интересно. В свое время сам отдал им дань, даже написал в начале 90-х повесть на данную тему, которая опубликована в одном из московских «толстых» журналов. Но, к сожалению, ни одной убедительной версии нет. Это не касается альтернативной археологии, не связанной с инопланетянами. Там есть открытия, скрывающиеся от публики, потому что они не укладываются в теорию происхождения человека от африканских обезьян.

Самым серьезным возражением против прыжка с другой планеты является состав нуклеотидов всего живого на Земле. Всего 4 компонента в разных вариациях – и нас много, и мы все разные! Если нас породили инопланетяне, то не в виде человека сразу, а в виде сгустков белка, ставших первыми живыми организмами. Космос в этом, разумеется, поучаствовал. Дело в том, что все попытки создать из сложных органических молекул живой организм до сих пор терпели неудачу, и все теории, объясняющие, как это происходило, канули в Лету – от теории «коацерватных капель» академика Опарина до появившейся в начале XXI века теории чилийца Митураны, пустой, но вызвавшей много шума. Наиболее вероятным является перенос жизни по Вселенной кометами, которые можно образно назвать пальцами Бога-сеятеля.

Немного о вере

Креационизм, т. е. теории происхождения человека по воле Божьей, – это тоже сальтация. Библия уверяет, что Бог создал человека в один день, но кто знает, сколько длится день Бога? В ведической религии индусов он длится миллионы наших лет. Если Бог существует, то он создавал человека как истинный Художник с большой буквы. Почему одни картины – это живопись, а другие – нет, даже если сюжет один? Живопись отличается глубиной, она, если хотите, стереоскопична. Вру: живопись отличается тем, что она – живая. И словами это не передать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.